

VII. РЕЦЕНЗІЇ ТА ОГЛЯДИ

**ИСТОРИЯ АСТРАХАНИ
НА ПЕРЕПУТЬЕ СМУТНЫХ И СВЕТЛЫХ ВРЕМЕН**
**[РЕЦ.] КАРАБУЩЕНКО П.Л. АСТРАХАНСКОЕ ЦАРСТВО: ВОЕВОДСКАЯ
ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ СООБЩЕСТВО XVI–XVII ВЕКОВ. МОНОГРАФИЯ. –
АСТРАХАНЬ, Б./И., 2008. – 504 с., илл. 16.**

Монографических исследований об Астраханском царстве ни до, ни после 1991 года не выходило. Были лишь работы, посвященные отдельным моментам российской истории, которые также касались истории Астрахани XVI–XVII веков (восстание Разина, Смута и т. д.).

Тем более, отрадной сознавать, что итогом 17-летнего напряженного научного поиска стала работа астраханского ученого, профессора Павла Леонидовича Карабущенко, который взял на себя, казалось бы, неподъемную для одного человека ношу.

Монография увидела свет в канун 450-летнего юбилея Астрахани, что само по себе стало подарком родному городу.

Автор книги, используя междисциплинарный подход, работая на стыке истории, философии и политологии показал новое видение региональной истории. Ведь не секрет, что совсем недавно, изучение истории государственных образований вошедших в состав Российской Империи (земли Войска Донского, Астраханское и Казанское царства и т. д.) не поощрялось. «Localpatrioten» – патриоты малой родины, которые пытались комплексно изучить историю своего края – были обречены, на то чтобы писать в стол. Господствующая теория о значении масс в истории еще совсем недавно отводила личности скромную роль, а элиты (политические, церковные, военные), состоящие из личностей в самом широком значении этого слова исследованию попросту не подлежали.

Новизна данной работы состоит не только в системном рассмотрении и анализе событий, происходивших в русской Астрахани, но и в качественно новом подходе при исследовании «динамики существования местных политико-административных элит и контрэлит, и оказываемого ими влияния на ход региональной и общенациональной истории». С позиций исторической элитологии, которая включает в себя элитологию истории (анализ смысла истории) и историю элит (описание существования элитных групп), – автор монографии представляет в аспекте деятельности элит Астраханского царства XVI–XVII веков содержание элитного прошлого, его суть, а также те задачи и проблемы, которые возникали перед астраханскими элитами на разных этапах ее существования (С. 7).

Элита царства состояла из служилой аристократии и служилого дворянства, которое было направлено царской администрацией для управления присоеди-

* *Пономарёв Александр* – кандидат исторических наук.

ненной территории. Это вносило свою специфику в развитие региона и в отношения местной элиты с центром.

Появление в составе Московского государства нескольких царств, в т. ч. и Астраханского, по мнению автора, привело к созданию нового типа государственно-территориального устройства – федеративной монархии. Впрочем, учитывая определенную экстерриториальность и особый статус присоединенных земель, автор стремится к уточнению, облекая его в формулу – «Астраханское царство в составе Московского государства» (С. 11). Стоит отметить, что царством в полном смысле оно никогда не было, наличие короны и печати придавали Астраханскому царству лишь дополнительный престиж, а царство, как отмечает автор, было лишь идеологической реальностью (С. 292). Местные летописцы даже позиционировали Астрахань, как «царский город и младшую сестру Москвы» (С. 127).

Падение Астраханского ханства и появление московского ставленника на астраханском престоле Дервиша-Али, признавшего 9 июля 1554 г. вассальную зависимость ознаменовало недолгое существование Астраханского (татарского) царства. Нарушение Дервишем-Али вассальных обязанностей привело к захвату русскими войсками в августе 1556 г. Хаджи-Тархана (Татарской Астрахани), после чего Астраханское ханство, равно как и Астраханское царство (1554–1556 гг.) в его татарском изводе прекратило существование (С.52). Для периода 1554–1556 гг. было характерно формальное двоевластие, т. к. Иван Грозный также именовался «царем Астраханским», как и Дервиш-Али. 26 августа 1556 г. считается днем окончательного присоединения Астрахани к России.

Перед этим автор отмечает, что в середине XVI в. произошло резкое сужение политических и государственных полномочий царей (имелись в виду татарские ханы поставленные Москвой), а после трансформации Астраханского ханства в царство, последнее уменьшилось фактически до границ самой Астрахани (С.49). Впоследствии, с появлением в 1556–1558 гг. Русской Астрахани – нового города построенного недалеко от Хаджи-Тархана из его же кирпичей, – размеры царства увеличились до Золотоордынских.

Впрочем, отметим, что с 1556 г. до 1717 г. (когда астраханские земли получили губернский статус), астраханские воеводы имели реальную власть лишь в самом городе, ибо Астрахань была окружена и контактировала как с кочевым населением (калмыками, татарами, ногайцами, казахами), так и оседлым (горцы Кавказа), которое было трудно контролировать. Автор сам говорит о тарханных землях в Астраханском ханстве (С. 14–15), а после 1556 г. ситуация значительно измениться не могла, поскольку плотность заселения царства переселенцами была невысокой. Городское население кроме Астрахани, проживало еще в Черном Яре (с 1627 г.), Красном Яре (с 1665 г.) и Ахтубинске (с 1717 г.). Как видим, опорных пунктов для освоения района Нижней Волги было недостаточно.

К сожалению, автор четко не очертил географические границы царства, упомянув об этом лишь вскользь (С. 75), а между тем анализ расширения или уменьшения его размеров в диахроническом срезе дал бы возможность сравнивать степень освоения прилегающих к Астрахани земель.

Сужение контролируемой территории позволяет говорить о существовании полиса с воеводской властью, который служил форпостом Московского государства на Востоке. Неудачные попытки присоединить Закавказье и установить русский протекторат в Иране отменили внешнеполитическую доминанту в существовании Астрахани. Однако, возросла ее роль как крупного торгового центра на юге России.

Отдаленность Астрахани от центра; геополитическое влияние Кавказа, Ирана и Турции; многонациональность проживавших в царстве народов, создавали атмосферу, которая влияла на астраханскую элиту, позволяя ей выбирать более свободную модель поведения в политическом плане и более толерантную в этнокультурном. С другой стороны, перечисленные факторы порождали благоприятную почву для казнокрадства и мздоимства.

Монография состоит из введения, четырех глав, библиографии, словаря-справочника, приложений и хронологической таблицы. Не имея возможности детально рецензировать всю работу, мы остановимся лишь на некоторых моментах.

Во **Введении** источникам и историографии проблематики отведено не очень много места (С. 18–21), что несколько диссонирует с объемом основного текста монографии. Этот факт вызывает некоторое сожаление, тем более, что **Библиография** содержит 82 позиции первоисточников, в том числе и архивных, а также 132 позиции научной литературы (С. 272–281).

В **Главе 1. Новое Астраханское (русское) царство** (С. 22–73) автор уделяет значительное внимание рассмотрению этимологии слова «Астрахань» (С. 22–30, см. также С. 125–127), анализируя далее историю Нижнего Поволжья в IX–XVI вв.

Однако в любой работе кроме положительных моментов есть и свои недостатки. Следует отметить, что несколько некорректным выглядит отождествление хазарской верхушки с «израильской элитой» (С. 35). Правильнее было бы назвать ее «иудейской элитой», т. к., именно это вероисповедание стало определяющим фактором в деятельности хазарских вождей. Если оседлое торгово-ремесленное население Хазарии и правители были иудеями, где хазарский каган был олицетворением живого бога, то кочевники представляли пеструю в этническом плане смесь язычников поклоняющихся богу Тенгри. Миссионерская деятельность славянского просветителя Кирилла среди правящих слоев Хазарии была не слишком успешной, однако небольшая христианская прослойка могла все же иметь место.

Библейский Израиль, ни в этническом, ни в государственном отношении к хазарской верхушке отношения не имел, преемственность была лишь религиозной, иудаизм предположительно был результатом прозелитической деятельности евреев обитавших в Дагестане¹.

¹ Тема вероисповедования хазарских верхов отражена в новейших работах. Например: *Рашковский Б.Е.* Хазария: проблема выбора конфессиональной ориентации // ВОСТОК (ORIENS). – 2010. – №1. – С. 25–39.

В § 2 этой же главы рассматриваются важные моменты присоединения Астраханского ханства к Московскому государству, а § 3 детально освещает русскую колонизацию Нижнего Поволжья во второй половине XVI – начале XVII веков, когда «воровские казаки» или «лихие люди» доставляли немало хлопот местной власти, совершая набеги на торговые суда, караваны и посольства.

Глава 2. Воеводская власть в Астрахани (С. 74–124) непосредственно касается основной проблематики монографии и вводит читателя в мир русской Астрахани. На основе «Разрядных книг» характеризуется деятельность астраханских воевод, ротация которых была подчас чудовищной, учитывая даже скорость тогдашних средств коммуникации. Так самое короткое воеводство было у А.П. Салтыкова (11 марта – 9 апреля 1689 г.), затем следует Б.В. Горчаков (15 февраля–май 1687 г.) и команда из трех воевод – С.Б. Ловчиков, Н.И. Приемков-Ростовский и А.И. Голицин (фехраль–июль 1684 г.). Последнее упоминание относится к тем примерам, когда на правление присылалось несколько воевод, т.е. «воевода со товарищи»; автором описан даже такой уникальный случай когда в 1677 г. были присланы в качестве воевод отец и двое сыновей Салтыковых (С. 82).

В § 2 посвященной геополитическому положению Астраханского царства, автор указывает на взаимосвязь геополитики и элитологии, выделяя при этом элиты различных уровней, структурируя не только астраханскую элиту, но соседних народов (калмыки). Особое значение придается Астраханскому региону как этнокультурному и цивилизационному перекрестку, контактной зоне между Европой и Азией.

«Низовая Волга – это как раз историко-культурная и геополитическая середина Евразии, «ворота», через которые в свое время прошли все современные народы по пути к своему нынешнему местопребывания» (С. 94–95). Хотя эта мысль требует уточнения, если речь идет о великом переселении народов в Европу в IV–VII веках н. э.

Также освещаются взаимоотношения с соседними народами – калмыками, горцами Северного Кавказа, персами. Особое внимание уделено роли Астрахани в дипломатических отношениях с соседними государствами, т.к. в городе зачастую оставались на зимовку посольства из дальних стран (С. 97–109).

В § 3 речь идет о взаимоотношении царской власти и власти местных воевод, где автор опирается на уцелевшие после пожара 1701 г. письменные источники – «Наказы Астраханским воеводам 1677 и 1679 гг.» (С. 111–117). Показаны неоднократные конфликты между светской и церковной властью в регионе, имеющие экономические корни (С. 122–124).

Глава 3. Астраханская повседневность: элиты и массы вне сферы политической деятельности (С. 125–172) открывается параграфом, посвященным быту, нравам и обычаям в Астраханском царстве. С исторической точки зрения является небезынтересным постановка проблемы о «штурме» Астрахани калмыками в январе 1642 г. и ее детальное рассмотрение, что служит своеобразной иллюстрацией к предыдущему параграфу.

На этой историографической фальшивке стоит остановиться подробнее. В действительности, как излагает автор, в самом начале правления астраханского архиепископа Пахомия (ок. 1641–1642 гг.) епархия находилась в плачевном состоянии, а светская власть, погрязшая в мздоимстве, не ладила не только с церковью, но и с ногайскими племенами. Этим не преминул воспользоваться владыка, сочинивший письмо царю Михаилу Федоровичу «о неправдах и воровстве воеводы Телятевского», приложив при этом жалобы степняков, которых якобы угнетает воевода. Ф. Телятевский был снят, а царством начал править архиепископ Пахомий, дожидаясь прибытия нового воеводы из Москвы.

Между тем Астрахань в январе 1642 г. была «осажена» войсками калмыцкого хана Хо-Урлюка, который вместе со своими сыновьями «погиб» во время штурма, а пространство вокруг крепости было «усеяно» телами калмыцких воинов, а со стороны защитников никто не пострадал. Однако «Ключаревская летопись» об этом событии умалчивает. День «чудесного избавления» астраханцев от калмыцкой осады – 18 января, начал отмечаться как праздничный, с крестным ходом.

Автор выдвигает весьма правдоподобную версию о том, что вся эта история была придумана владыкой Пахомием с целью дальнейшего очернения воеводы, без которого город отлично справляется с осадой кочевников. Далее, как показано исследователем, события осады Астрахани киргиз-кайсаками, имевшие место в январе 1622 г., и о чем есть упоминание в «Ключаревской летописи», просто накладывались стараниями архиепископа на «события» 1642 г. (С. 133–136).

Второй параграф «Белый город и его жители» описывает важную роль Астрахани в экономической жизни царства, где, к сожалению, деятельность таможи представлена довольно скромно, несмотря на изобилие источников. Отдельное внимание уделено таким группам населения Астрахани как стрельцам, купечеству и «детям боярским» (С. 137–152).

В § 3 «Элита монастырей и церквей» показана история создания оплота православия на Нижней Волге. Отдельно автор анализирует агиографическую литературу, представленную жизнеописаниями астраханских святых, и в частности «Житием преподобного Иосифа Астраханского» погибшего во время восстания С. Разина, отдавая при этом дань определенной «парадности» этих источников (С. 160–172).

Глава 4. Астраханщина: история сепаратизма региональных элит XVII столетия завершает собой рецензируемое монографическое исследование (С. 173–264). В этой главе особый интерес представляют первые два параграфа, посвященные попыткам местных (и пришлых) элит создать свою государственность.

В § 1 «Астраханщина – истоки и смысл астраханской смуты» автор, экстраполируя понятие 1920-х гг. на события более раннего прошлого, детальнейшим образом рассматривает кульминационные моменты общероссийской и региональной истории. Исследователь выделяет с 1605 по 1706 гг. восемь эпизодов, каждый из которых имел определенное влияние на дальнейший ход событий. Так четвертый эпизод «астраханщины» повествующий о Марине Мнишек и атамане И.М.Заруцком оставил особый след в истории Астрахани, когда город в 1613–

1614 гг. фактически «выпал» из-под контроля Москвы (С. 202–213). В выводах к параграфу автор отмечает, что астраханский сепаратизм «был попыткой отдельно взятой территории самостоятельно прожить за счет исключительно собственных ресурсов и попытка, как показала история, оказалась весьма неудачной» (С. 218).

В § 2 «Астраханщина – эпизод седьмой: разинщина (1667–1671)» автор не только излагает официальную версию событий тех лет, но и проанализировав «темные» места существующей историографии ставит вопросы, пытаясь на них же ответить (С. 220–254).

1. Мог ли запрет Москвы на грабительские набеги казаков на Каспий послужить поводом к их возмущению 1670–1671 гг.?

2. Почему после якобы удачного похода на Персию казаки подняли социальный бунт?

3. Если восстание началось на Дону, то для чего Разин шел на Волгу захватывать сильно укрепленную Астрахань?

4. Почему воевода князь С.И. Львов взятый в плен разинцами в весну 1670 г. был казнен год спустя?

5. Почему главари восстания С. Разина, взятые в плен осенью 1671 г. жили под охраной воевод до лета 1672 г.?(С. 240–249).

Отметим, что «Астраханщина» в широком смысле этого понятия представляет собой сложный историко-культурный феномен, требующий взвешенного подхода и кропотливой работы многих исследователей. В краеведческом аспекте это явление придает истории города загадочность и неповторимый колорит, притягивая к себе туристов.

Кроме основного текста большой интерес представляет объемный *Словарь-справочник* (С. 282–434), который содержит свыше 460 статей дающих информацию о персоналиях и ключевых понятиях монографии. Статьи: Астраханское царство (С. 291), Астраханцы (С. 293), Астраханщина (С. 295), Калмыцкое ханство (С. 342), Каспийское междуречье (С. 345), Разинщина (С.386), Феномен хазарской границы (С. 412), Фронтир (С. 414) и многие другие позволяют читателям расширить научный кругозор и взглянуть по-новому на историю этого региона.

Весьма уместными в контексте скудности доступной информации об указанном периоде представляют собой *Приложения* (С. 436–488). Многие из прилагаемых первоисточников стали библиографической редкостью, а переиздания выходят мизерными тиражами. *Приложение 1* (С. 436–442) содержит список всех 66 воевод (правителей) астраханского царства в 1554–1719 гг., информацию о астраханских церковных иерархах, а также калмыцких ламах.

Приложение 2 представлено выдержкой из «Путешествия в Персию в 1561–1564 гг.» принадлежавшее перу английского посланника в Персию Энтони Дженкинсону. Источник публикации, к сожалению, не указан ни в конце Приложения, ни в библиографии. Остальные Приложения содержат выдержки из путевых заметок Дона Хуана Персидского, Исаака Массы, Адама Олеария и извлечения из русских летописей конца XVI – начала XVII вв. Завершает издание *Хронологическая таблица событий* (С. 489–493).

Новое и перспективное направление – историческая элитология, позволило автору раскрыть содержание и смысл функционирования астраханских элит позднего средневековья. Безусловно, опечатки, имеющиеся в тексте, не снизили ценность научной работы, выход которой для историков-медиевистов, философов и политологов не останется незамеченным. Более того, данное исследование послужит толчком для поколения молодых ученых более глубоко и детально разрабатывать указанную проблематику.

С рецензируемой работой, которая была любезно подарена автором, можно ознакомиться в библиотеке имени М. Максимовича Киевского национального университета имени Тараса Шевченко.

*Марина Палиєнко**

[Рец.] О. ІВАНЕНКО. УКРАЇНСЬКО-ФРАНЦУЗЬКІ ЗВ'ЯЗКИ: НАУКА, ОСВІТА, МИСТЕЦТВО (КІНЕЦЬ ХVІІІ – ПОЧАТОК ХХ ст.). – КИЇВ: ІНСТИТУТ ІСТОРІЇ УКРАЇНИ НАН УКРАЇНИ, 2009. – 320 с.

Вивчення українсько-західноєвропейських взаємин не набуло достатнього розвитку в російськоцентричній за своєю сутністю радянській історіографії. Промовистим є той факт, що написана в основному ще в другій половині 1960-х років студія Д.С. Наливайка «Очима Заходу: Рецепція України в Західній Європі ХІ–ХVІІІ ст.» побачила світ в Україні лише 1998 року. З кінця 1980-х років, значною мірою під впливом доробку вчених української діаспори, у вітчизняній історіографії відбулася актуалізація досліджень європейських чинників історії української культури. У контексті осмислення історичного місця та ролі України в європейському цивілізаційному просторі, значення зовнішніх впливів у формуванні її культурної багатогранності становить інтерес монографія наукового співробітника відділу всесвітньої історії і міжнародних відносин Інституту історії України НАН України О.А. Іваненко.

Рецензована праця являє собою вдалу спробу автора відтворити узагальнюючу картину українсько-французьких культурних зв'язків кінця ХVІІІ – початку ХХ ст. У вступі монографії проаналізовано здобутки вчених української діаспори у дослідженні українсько-французьких взаємин та водночас вказано на деякі прогалини в їх працях щодо розробки теми французької присутності в громадсько-культурному житті України. Характеризуючи радянську історіографію проблеми, О.А. Іваненко виокремила її два основні напрями – літературознавчі студії та дослідження, присвячені зв'язкам між революційними рухами Франції і Російської імперії, зокрема впливу Французької революції 1789 р. на Україну. Окремий блок

* *Палиєнко Марина* – доктор історичних наук, доцент кафедри архівознавства та спеціальних галузей історичної науки Київського національного університету ім. Тараса Шевченка.